

Николай Михайловский

**Еще об искусстве и гр.**

**Толстом**



Николай Михайловский  
**Еще об искусстве и гр. Толстом**

«Public Domain»

1898

**Михайловский Н. К.**

Еще об искусстве и гр. Толстом / Н. К. Михайловский — «Public Domain», 1898

ISBN 978-5-457-13095-1

«Гр. Толстой излагает как свои мысли, так и подтверждающие или якобы подтверждающие их факты с такою ошеломляющею уверенностью, что об искусстве японском, индийском, китайском, египетском, которые он, вероятно, глубоко изучил, я не решаюсь говорить, да и очень уж далеко от нас все это...»

ISBN 978-5-457-13095-1

© Михайловский Н. К., 1898  
© Public Domain, 1898

## Николай Михайловский Еще об искусстве и гр. Толстом

В прошлый раз я выразил удивление, что гр. Толстой, говоря о различии вкусов и понятий о красоте, не прибег к своему обычному приему quasi-математического подсчета: дескать, приняв в соображение все полуторамиллиардное население земного шара, надо признать, что мы, так называемые образованные люди, ничтожная горсть, составляющая такую-то долю всего человечества, не имеем права считать свои вкусы и понятия о красоте единственно верными. Я поторопился удивляться. В только что появившемся окончании статьи гр. Толстого («Вопросы философии и психологии») мы находим этот прием. Гр. Толстой пишет:

«Мы так привыкли наивно считать не только кавказскую породу самой лучшей породой людей, но и англо-саксонскую расу, если мы англичане или американцы, и германскую, если мы немцы, и славянскую, если мы русские, что мы, говоря о нашем искусстве, вполне убеждены, что наше искусство есть не только истинное, но и лучшее и единственное искусство. Но ведь наше искусство не только не есть единственное искусство, но даже не есть искусство всего христианского человечества, а только искусство очень малого отдела этой части человечества. Можно было говорить о народном – еврейском, греческом, египетском, и теперь можно говорить о китайском, японском, индийском искусстве, общем всему народу. Такое общее всему народу искусство было в России до Петра и было в европейских обществах до XIII, XIV веков; но с тех пор, как люди высших классов европейского общества, потеряв веру в церковное учение, не приняли истинного христианства и остались без всякой веры, нельзя уже говорить об искусстве высших классов христианских народов, подразумевая под этим все искусство. С тех пор, как высшие сословия христианских народов потеряли веру в церковное христианство, искусство высших классов отделилось от искусства всего народа, и стало два искусства: искусство народное и искусство господское. И потому ответ на вопрос о том, каким образом могло случиться то, чтобы человечество прожило известный период времени без настоящего искусства, заменяя его искусством, служащим одному наслаждению, состоит в том, что прожило без истинного искусства не все человечество и даже не значительная часть его, а только высшие классы христианского европейского общества, и то очень сравнительно короткий период времени: от начала Возрождения и Реформации до последнего времени... Не только две трети человеческого рода, все народы Азии, Африки живут и умирают, не зная этого единственного высшего искусства, но, мало этого, в нашем христианском обществе едва ли одна сотая всех людей пользуется тем искусством, которое мы называем всем искусством; остальные же 0,99 наших же европейских народов поколениями живут и умирают в напряженной работе, никогда не вкусив этого искусства, которое притом таково, что если бы они и могли воспользоваться им, то ничего не поняли бы из него»

*(стр. 17–19).*

Вложенную в эту цитату мысль гр. Толстой еще не раз повторяет, развивает, иллюстрирует примерами, а в заключении статьи он сообщает, что уже пятнадцать лет, «не переставая, думал об этом предмете», то есть об искусстве. Из этого следует заключить, что каждая

строка этого нового произведения нашего великого художника, каждое отдельное положение, каждый иллюстрирующий пример наилучше обставлены, как в фактическом, так и в логическом отношении. К сожалению, это далеко не так в действительности. Начать хоть бы с этих «двух третей человеческого рода» или 0,99 европейцев. Что они доказывают? Что они могут доказать в данном случае? Две трети человеческого рода, все народы Азии, Африки живут и умирают нехристианами, часто не имея ни малейшего понятия о христианстве или же относясь к нему враждебно; это не мешает, однако, гр. Толстому быть искренно верующим христианином, а ведь и среди европейцев найдется немало людей, понимающих христианство не так, как понимает его гр. Толстой. В деле мнений ссылки на большое или малое количество согласно или несогласно мыслящих ровно ничего не доказывает, и даже один человек вправе считать себя единственным в целом мире обладателем истины, пока ему не докажут, что он заблуждается. Если современное искусство цивилизованных людей стоит на ложном пути, то это надо доказать, а указание на азиатские и африканские народы и на 0,99 европейцев – не доказательство. Да и представляет свой статистический аргумент гр. Толстой очень запутанно. В самом деле, «прожило без истинного искусства не все человечество и даже не значительная часть его, а только высшие классы христианского европейского общества, и то очень сравнительно короткий период времени: от начала Возрождения и Реформации и до последнего времени». Значит ли это, что то «истинное искусство», которое существовало до Возрождения и Реформации, было близко, дорого и понятно азиатским и африканским народам и всем ста сотым европейцев? Конечно, нет. Но – возразят, может быть, – искусство всех времен и народов гр. Толстой противопоставляет искусству указанного сравнительно малого исторического периода и ничтожной горсти человечества в том смысле, что только это последнее искусство «служит одному наслаждению». Именно в этом смысле оно и есть «господское искусство», тогда как искусство древнееврейское, греческое, египетское, современное китайское, японское, индийское, русское до Петра, европейское до XIII, XIV века, – все это искусства «народные»; в этом и состоит объединяющая их черта, каковы бы ни были их различия в других отношениях.

Гр. Толстой излагает как свои мысли, так и подтверждающие или якобы подтверждающие их факты с такою ошеломляющею уверенностью, что об искусстве японском, индийском, китайском, египетском, которые он, вероятно, глубоко изучил, я не решаюсь говорить, да и очень уж далеко от нас все это. Другое дело русская история, которую мы все-таки все немножко знаем или по крайней мере должны знать. Но надо остановиться еще на некоторых общих положениях гр. Толстого.

«Всегда во всякое время и во всяком человеческом обществе есть общее всем людям этого общества религиозное сознание того, что хорошо и что дурно, и это религиозное сознание и определяет достоинство чувств, передаваемых искусством. И потому у всех народов всегда искусство, передававшее чувства, вытекающие из общего людям этого народа религиозного сознания, признавалось хорошим и поощрялось; искусство же, передававшее чувства, несогласные с этим религиозным сознанием, признавалось дурным и отрицалось; все же остальное огромное поле искусства, посредством которого люди общались между собою, не оценивалось вовсе и отрицалось только тогда, когда оно было противно религиозному сознанию своего времени»  
(6–7).

Итак, основой для суждения о художественных произведениях «всегда», «во все времена», «у всех» служило религиозное сознание. Есть, однако, «огромное поле искусства», независимое от религиозного сознания, для которого никакого мерил не было и нет: оно «не

оценивалось вовсе». Что это значит? Кем не оценивалось? Если, например, русские люди поют песню «Вниз по матушке по Волге», не имеющую никакого отношения к религиозному сознанию, то не свидетельствует ли уже самый факт ее распространенности, что она «оценивается», и оценивается именно на основании даваемого ею наслаждения.

«Высшие сословия средних веков по отношению к религии очутились в том же положении, в котором находились образованные римляне перед появлением христианства, то есть не верили более в то, во что верил народ; сами же не имели никакого верования, которое могли бы поставить на место отжившего и потерявшего для них значение языческого учения. И вот среди этих-то людей стало вырастать искусство, расцениваемое уже не по тому, насколько оно выражает чувства, вытекающие из религиозного сознания людей, а только потому, насколько оно красиво; другими словами – насколько оно доставляет наслаждение»  
(8–9).

Что искусство Возрождения противопоставляло средневековому аскетическому идеалу наслаждение – это верно, но что оно «расценивалось» *только* по тому, насколько оно доставляет наслаждение, – неверно, ибо задача его состояла не только в том, чтобы непосредственно давать наслаждение, а и в том, чтобы отстаивать права человека на наслаждение и бороться с противными течениями и, следовательно, внушать очень разнообразные положительные и отрицательные чувства. А кроме того, ведь и тогда, как «всегда», «везде», «у всех», существовало «огромное поле искусства», независимое от религиозного сознания и, по мнению гр. Толстого, «неоцениваемое вовсе», а в действительности, конечно, оцениваемое и не иначе, как по степени даваемого им наслаждения.

С этим гр. Толстой, пожалуй, и согласился бы. Но дело в том, что «для огромного большинства всего рабочего народа наше искусство, недоступное ему по своей дороговизне, чуждо ему еще и по самому содержанию, передавая чувства людей, удаленных от свойственных всему большому человечеству условий трудовой жизни. То, что составляет наслаждение для человека богатых классов, непонятно как наслаждение для рабочего человека и не вызывает в нем никакого чувства или вызывает чувства, совершенно обратные тем, которые оно вызывает у человека праздного и пресыщенного. Так, например, чувства чести, патриотизма, влюбления, составляющие главное содержание теперешнего искусства, вызывают в человеке трудовом только недоумение и презрение или негодование» (21).

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.